

«АРКАИМ» народной изостудии

Примечательно, что нынешняя, уже третья, выставка народной изостудии комбината открылась в обновленном, отремонтированном помещении городской картинной галереи.

П. Яцун. «Гора Шаманка».

Два больших зала второго этажа вместили в себя 83 работы студийцев комбината. Пятнадцать лет руководит народной изостудией Евгений Петрович Белицкий. Благодаря именно его заботам в юбилейный год Дворца и студии и состоялась эта большая выставка, объединившая творчество нескольких поколений студийцев.

Название выставки определилось как-то подспудно и подсказано полотнами ветерана студии Павла Демьяновича Яцуна. Ровно год назад по рекомендации и командировке газеты «Магнитогорский металл» П. Д. Яцун больше недели работал у раскопок Аркаима, сделал десятки этюдов, по которым были созданы красочные полотна, навеянные этим легендарным протогородом. Евгений Белицкий в названии выставки «Аркаим» увидел некую глубинную значимость творчества художников комбината. Это не только глубинка в географическом понимании, но и осознанная ретроспектива работ, своеобразная художественная летопись нашего края.

Совершенно неожиданным для многих оказалось открытие творчества художника Петра Николаевича Хныкина, бывшего художника-ретушера газеты «Магнитогорский металл». Многие годы у него «садились» и «гасло» зрение, а два года назад он практически перестал видеть. Нужно ли объяснять, какая это трагедия для человека, тем более художника. Редакция «Магнитогорского металла» и профсоюзный комитет комбината оказали Петру Хныкину значительную материальную помощь, благодаря чему он был прооперирован в Екатеринбурге в филиале клиники Святослава Федорова. И произошло второе рождение. Видимо, это и вдохновило его на создание многих ярких полотен в кратчайшие сроки. Потому что многих посетителей они и завораживают своей свежестью и оригинальностью. Природа нашего края мощно и по-новому зазвучала в его работах.

— Петр Николаевич, чем объяснить такое неожиданное изобилие прекрасных работ? Второе дыхание?

— Во-первых, я до слез благодарен родной газете, которая буквально вытащила меня из темноты, снова дала в руки кисть, поставила к мольберту. Не скрою, что два года назад я почти полностью пал духом. Творчество для меня — это все в жизни. Это — друзья и коллеги, возможность окунуться в свою стихию. В последнее время перед «прозрением», я пытался работать вслепую, чуть ли не на ощупь. Но это уже не было творчеством. А здесь, после мно-

гих лет вынужденных «сумерек», всей своей красочной мощью на меня обрушился мир. Выйди из темной комнаты на свет божий — сразу заметишь контраст. Но это у человека с нормальным зрением длится лишь несколько мгновений. А для меня этот разительный контраст продолжается и сейчас...

Андрей Михайлович Волков — старейшина изостудии — вспоминает, что еще до Великой Отечественной войны, когда руководителем был наш мэтр Георгий Яковлевич Соловьев, студия котировалась очень высоко не только в городе, но и в стране. Уже тогда были заложены крепкие традиции в творчестве студийцев-металлургов, которые продолжают и сейчас. Рабочая тема не навязчиво, а как-то изнутри, прочувствованно, осознанно входит в полотна. И здесь уже нельзя обвинить художника в какой-то заданности и обязательности. Здесь говорит его сердце.

Вспоминаю приезд японской делегации на комбинат лет пятнадцать назад. Помимо города и комбината захотели японцы увидеть и творчество самодельных художников изостудии. Их восторгу не было предела. Особенно их поразили акварели Калашникова, который только в 62 года впервые взялся за кисть. Тогда каждый из японцев увез в Страну восходящего солнца по одной работе нашего мастера.

Работы Евгения Белицкого, Сергея Александрова, Владислава Аристова, Павла Яцуна, Геннадия Миронова, Анатолия Заборского, Виктора Кадошников и многих других студийцев расположены поблочно, выражают наиболее ярко творческое кредо каждого. Манеры и направления различны — от традиционной живописи до авангарда. Пейзажи, портреты, натюрморты, этюды и добротные завершенные картины — все привлекает в этой выставке. Нужно не забывать, что все эти художники не входят в профессиональный союз, это как бы для них любимое занятие, увлечение, хотя большинство из них давно достойно быть в Союзе художников России.

За свои шесть-десятилетний народная изостудия комбината вывела на профессиональную орбиту десятки художников, многие из которых разлетелись по всей стране. Надо сказать, что из студии вышли и профессиональные писатели. Занимались и приходят сюда Николай Якшин, Александр Ерофеев, Владимир Некрасов, Олег Щуров. У Владислава Аристова недавно вышла объемистая книга прозы «Послушник». Можно смело сказать, что изобразительное искусство, работа над картинами помогают пишущим гранить слово, делать его зримым, красочным и рельефным.

За прошедшие годы работы студийцев выставлялись много раз в разных местах: дворцах культуры, кинотеатрах, в центральной заводской лаборатории, в консерватории, в Москве и за рубежом. Большая передвижная выставка из 125 работ «бороздит» моря и океаны на ролкере-сухогрузе «Магнитогорск», где в разных портах ее посещают иностранцы. У многих студийцев прошли персональные выставки. Словом, творчество коллектива народной изостудии комбината широко известно. Основное помещение у студии сейчас во Дворце культуры и техники на левом берегу. На правом — по Суворова — остался только филиал.

В преддверии шестидесятилетнего юбилея хочется поздравить студийцев с прекрасной экспозицией, с очередным основательным выходом «на горожан» и гостей города, пожелать новых творческих успехов и неиссякаемого вдохновения.

А. ПАВЛОВ.
Фото Ю. ПОПОВА.

П. Хныкин. «Апрель».

ВЫСТАВКИ

ПРЕМЬЕРЫ

СИЛУЭТЫ НА ФОНЕ ОСЕННЕГО НЕБА

Когда на сердце грусть и жизнь кажется беспросветной, достаньте с полки томик Пушкина и окунитесь в мир романтической любви и туманного Петербурга, в атмосферу светских гостиных и бесконечных дорог — зимних, летних, по весенней распутице и осенней грязи.

Ведь дорога для сердца всякого русского есть пожалуй единственное естественное состояние души... Отчего это? Наверное, оттого, что просторы в России всегда были бескрайними, а дороги никудашными, растрепанными, как русские души, в которых есть место всему — злобе и бесконечной доброте, унынию и веселью, трусости и неудержимой удали, коварству и бесхитростности.

Впрочем, нынешние поездки по железным дорогам и перелеты на воздушных лайнерах не идут ни в какое сравнение с «путешествиями по своей либо казенной надобности» в былые времена. Тогда кареты, брички, возки, сани да телеги, преодолевая за день не больше ста верст, давали вояжеру возможность поразмыслить в пути о жизни, о ее превратностях, а то и вдохновиться на создание шедевра...

Что, как ни дорога, стало когда-то причиной появления в отечественной литературе «Записок русского путешественника» и «Путешествия из Петербурга в Москву», «Героя нашего времени» и «Ревизора», многочисленных мемуаров и читанного нами со школьной скамьи пушкинского «Станционного смотрителя»? В этой незамысловатой повести, рассказанной некоему помещику Ивану Петровичу Белкину неким титулярным советником А. Г. Н., все кажется простым и немногим похожим на добрую сказку. Но всмотревшись пристальнее в неторопливое повествование о судьбе «коллежского регистратора, почтовой станции диктатора» Самсона Вырина, внимательный читатель отыщет в нем рассказ об извечном человеческом одиночестве и о том, что платить за его преодоление приходится иногда весьма высокую цену.

Именно об этом получилась история, которую представил в заключение 25-го театрального сезона на сцене театра «Буратино» режиссер из Петербурга Игорь Ларин. Премьера «Станционного смотрителя», состоявшаяся в 20-х числах июня, была как обычно «парадоксальна» в переложении совершенно нетеатрального пушкинского текста на язык драматического действия. Хотя, как утверждает сам режиссер, эту постановку можно, пожалуй, считать наиболее «традиционной» из тех, что были созданы им для такого необычного театра, каковым изначально задумывался «Буратино». В этом спектакле действительно нет сложно зашифрованного в речах и пластике подтекста. Напротив, с самого начала зритель окунается в мир неспешного быта начала минувшего столетия.

...На почтовой станции «путешественники по собственной надобности» то ссорятся, то мирятся в ожидании лошадей, которые как всегда оказались в разгоне, и сидеть теперь не пересидеть эту скуку смертную, по причине которой «кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность?» Словом, участники истории сводит здесь сама судьба, когда один из проезжающих вдруг решает завести рассказ о том, как, едучи весной 1816 года через ***скую губернию на перекладных, оказался он на станции, где впервые и встретил красавицу Дуню — дочь станционного смотрителя Самсона Вырина. Как позже увез ее в Петербург проезжий гусар, как обезумевший от горя отец пустился на поиски своей Дуни в столицу и как, найдя ее там, потерял навсегда...

И по ходу неспешного рассказа слушатели неожиданно сами становятся участниками этой удивительной истории. Она то, раз-

двинув стены маленького почтового домика, уносится в заснеженный Петербург, то вновь возвращается в комнату с балзаминами на окне и кроватью за пестрой занавеской; то кружится в хороводе масок под «упоительного Россини» и Брамса, то словно замирает в шуме осеннего дождя за окном станции. И лейтмотивом проходит через весь спектакль печальная мелодия вальса Даргомыжского, светлая грусть которого так созвучна сентиментальности пушкинских «Повестей Белкина».

Вторым названием своей постановки режиссер выбрал слова «Осенний вальс». Осень была любимым временем года Пушкина. Осенним днем рассказчик «Станционного смотрителя» узнает окончание своей истории...

И еще меня упорно не покидает ощущение тяжело нависшего над самим театром «Буратино» дождливого осеннего неба. Коллектив его переживает нынче не лучшие времена. Три постановки за сезон (две из которых созданы приезжими режиссерами), отказ от поездки на фестиваль в Челябинск, постепенное снятие с репертуара спектаклей, не успевших еще отжить на сцене свой «срок», — таковы неутешительные итоги юбилейного для театра сезона. Похоже, «Буратино» вновь погружается в состояние анабиоза, когда ни жизнь, ни смерть — а так, нечто вроде тихого прозябания. И городские власти такое положение вещей абсолютно не волнует. Впрочем, кто и когда в последний раз видел наших чиновников в зрительном зале театра?..

Боясь, жизнь «Станционного смотрителя» на сцене «Буратино» будет тоже недолгой. Не вписываются его «светлая печаль» и великодушный язык русской классики в нынешний контекст постепенного обветшания былых идеалов российского искусства и осквернения с театральных подмостков родного языка матом и скабрзностями. Впрочем, скорую гибель и этого спектакля, возможно, оттянет на некоторое время приближающееся 100-летие А. С. Пушкина. И все-таки последняя премьера сезона рождает во мне непреходящее ощущение черных фигурок-силуэтов, наклеенных на белый лист бумаги. Постепенно меркнущий свет размывает их очертания — фигурки тают, становясь все менее различимы во мгле. Уходят вдаль, как эпоха тарантасов и бричек, станционных смотрителей и неспешного течения жизни — весь тот мир, в который неизменно возвращается нас прекрасная проза Пушкина.

И если на сердце грусть, а жизнь кажется беспросветной, достаньте с полки пыльный томик и окунитесь в мир романтической любви, туманного Петербурга и бесконечной дороги. Ведь она для растрепанной российской души — естественное состояние...

В. ЗАСПИЧ.
На снимках: рабочие моменты спектакля «Станционный смотритель» (Дуня — И. Барановская, ротмистр Минский — С. Меледин, Самсон Вырин — А. Анкудинов, автор — С. Тимофеев).

Фото Ю. ПОПОВА.